

Из жизни постсоветских мусульман в России (по материалам прессы)

Салават Исхаков

Часть II

Каков он — мусульманин в России сегодня?

По одним оценкам, на 2002 г., только в Москве и Московской области проживало от 1 до 1,5 млн. мусульман. В Москве проживают представители практически всех мусульманских этносов Российской Федерации и СНГ, а также представители многих крупных и малых мусульманских народов, живущих за пределами бывшего Советского Союза¹. Мусульманское происхождение имеет для них значение. Об этом свидетельствует, к примеру, интервью известного футболиста Р. Дасаева, татарина по этническому происхождению.

Журналист: Ринат, какое место занимает религия в вашей жизни?

Дасаев: Я бы сказал, основное, поскольку я никогда не скрывал, что мусульманин. Может быть, не всегда удастся придерживаться всех правил и норм ислама, например, побывать и помолиться в мечети, но в сердце религия моих предков на первом месте. Вы, наверное, видели, как некоторые игроки, выходя на поле, крестятся. Так вот, я, занимая место у собственных ворот, тихо говорил «Бисмилла ир-рахман ир-рахим».

Журналист: И в советское время?

Дасаев: Ну да. Именно в советское время, ведь этот период и выпал на мою спортивную долю!

Журналист: Ринат, что вы скажете про исламофобию, развернувшуюся на страницах отечественных газет и телевидения?

Дасаев: Да не стоит на них обращать внимания. Сегодня в абсолютном большинстве журналисты, рассказывающие про мусульманскую религию, не знают о ней ровным счетом ничего...². И это являлось одной из причин все усиливающегося межрелигиозного противостояния.

Несмотря на обилие исламоведческой литературы, уровень российского исламоведения, как признавали, к примеру, участники международной конфе-

¹ Халтурина Д.А. Московские мусульмане: уровень этноконфессиональной толерантности (по материалам опроса в мечетях). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 3, 4.

² Всё об Исламе (Москва). 2002. № 8. Декабрь.

ренции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе», которая проходила в Казани в июне 2001 г. и собрала около 200 ученых из 11 стран мира, выявил тревожную для России тенденцию: ключевые вопросы, в частности, татарского духовного наследия постепенно переходят в руки западных ученых. В результате, как отметил директор Института тюркских исследований проф. Н. Девлет (Турция), получается такая картина: источники находятся в Казани, а наиболее серьезные, глубокие исследования по ним — на Западе³. А каковы были результаты изучения современной духовности российских мусульман?

С целью выявления обобщенного портрета современных московских мусульман, их личных и общественных предпочтений, а также отношения к происходящим в мире и в стране политическим и иным событиям в столице стали предприниматься попытки их социологического изучения. В частности, проведенный Д.А. Халтуриной (Институт Африки РАН) в ходе написания кандидатской диссертации социологический опрос почти тысячи прихожан трех московских мечетей привел ее к таким результатам. В предложенной этим антропологом и социологом подробной анкете прихожанам предлагалось ответить на целый ряд вопросов, в том числе на такой: «Хотели бы Вы жить в государстве, основанном на принципах шариата?». В качестве ответа на вопрос были предложены следующие варианты: 1) «да, хотел(а) бы», 2) «я и так живу в соответствии с шариатом», 3) «если ты не нарушаешь законов страны и не преступаешь моральные принципы, то нет разницы, в каком государстве жить», и 4) «нет, никогда». Большинство опрошенных (57,1%) выбрали первый вариант, 14% — второй вариант, 26,7% — третий вариант и 2,2% — четвертый вариант⁴. По мнению этого исследователя, выбор первого варианта обусловлен не только религиозными соображениями, но и неприятием окружающей их социокультурной реальности.

Представления о шариате, по мнению Халтуриной, у прихожан этих московских мечетей довольно размытые. Среди тех, кто указал «я и так живу в соответствии с шариатом» около половины (49,2%) не встают регулярно на утренний намаз, в том числе иногда пропускают утренний намаз — 15,9%, часто пропускают — 5,6%, вообще не молятся по утрам — 7,1% опрошенных. Примерно треть тех, кто считает, что живет в соответствии с шариатом, молится реже пяти раз в день, а 15% молятся реже, чем раз в день. Есть основания полагать, что в данном случае, делает Халтурина вывод, имеем дело с «мифом о шариате»⁵.

Информационно-аналитический центр Совета муфтиев России почти одновременно провел опрос прихожан тех же московских мечетей, но только

³ Восточный экспресс (Москва). 2001. № 23. 15-21 июня.

⁴ Халтурина Д.А. Указ. соч. С. 7, 136.

⁵ Там же. С. 139.

не всех трех, а двух, и пришел к выводу о высокой степени религиозного самосознания московских мусульман. Вопросы «Всегда ли Вы встаете на утренний намаз?», «Как часто Вы молитесь?» и «Соблюдаете ли вы пост Рамадан?» выявили, что подавляющее большинство респондентов (85%-87%) строго следуют предписанным шариатом требованиям. В отношении к немусульманам доминирует толерантный или, реже, нейтральный подход. Около 70% опрошенных ответили, что к немусульманам они относятся хорошо и часто имеют с ними дружеские отношения. 25% считают, что разницы между мусульманами и немусульманами нет: все люди равны. Лишь 1,5 % или относятся к иноверцев отрицательно⁶.

Таким образом, данные, собранные Халтуриной, привели ее к выводу, что московские мусульмане, регулярно посещающие мечети, имеют довольно размытые представления о шариате, а аналитики из Совета муфтиев России полагают, что опрос показал высокую степень их религиозного сознания. Налицо явное расхождение в этих выводах, что показывает чрезвычайную сложность при определении степени религиозности мусульман по каким-либо формальным показателям.

Какие результаты давали опросы духовных лиц? В частности, в ходе опроса 38 представителей мусульманского духовенства Башкортостана, проведенного социологом Р. Галлямовым (Уфа) в 2004 г., на вопрос о состоянии исламской религии в современном российском обществе, свыше 90% опрошенных ответили, что «движение вперед есть», что «динамика есть, перспектива есть», при этом почти 30% мулл считают, что «ислам развивается медленнее, так как православной конфессии большую помощь оказывает государство»⁷. О чем конкретно идет речь?

Встречаясь с премьер-министром РФ В.В. Путиным в сентябре 1999 г., председатель ДУМЦЕР Гайнутдин констатировал: «Все время мы видим и слышим, как нам представляют русскую православную церковь как главенствующую религию, все время подчеркивают, что Россия — православная страна. Это в корне неправильно. Если такой подход будет и в дальнейшем, безусловно, мусульмане будут недовольны и, тем самым, мы покажем, что российское государство недостаточно уделяет внимания, уважения к проблемам мусульман... Если наши рядовые верующие почувствуют, что наши духовные лидеры имеют авторитет, уважение со стороны президента и правительства то, тогда возрастет авторитет духовного лица среди своих верующих, прихожан, и тогда его слово, его влияние будет сильнее. Тогда будет поднят авторитет мусульман и государство будет в выигрыше...

⁶ Наши соотечественники – Ватадашлар (Москва). 2002. № 2, 21-27 января.

⁷ Галлямов Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала... С. 109, 111.

Сейчас мы можем сказать, что, к сожалению, государство не уделяет должного внимания к проблемам мусульман и, одна из причин того, что мы видим на Северном Кавказе — это отсутствие правильной политики по отношению к народам. Это вызывает кризис. Люди видят, что спасение из кризиса есть ислам. Они становятся более религиозными. Они не доверяют руководству своих республик, они не доверяют действиям федерального центра. Они ищут другие пути. А другие пути могут привести к крайностям»⁸, т.е. к радикальным настроениям, которые, таким образом, были следствием прежде всего действий власти и ее представителей.

Характеризуя в 2002 г. прошедшее десятилетие для развития ислама в России, Гайнутдин оценил свою работу в сравнении с тем, что было при советской власти: «...Количественно мы добились больших успехов. Это строительство новых мечетей, создание и регистрация множества мусульманских учебных заведений. Если во время Советского Союза на территории Российской Федерации не было ни одного мусульманского учебного заведения, где бы готовили священнослужителей ислама, то се-годня в Министерстве юстиции РФ мы зарегистрировали 114 мусульманских учебных заведений. Мы создали несколько высших исламских учебных заведений, работают средние учебные заведения мусульман. А мечетей сегодня на территории РФ насчитывается около шести тысяч. Это достаточно высокий показатель, тем более что в Советском Союзе на территории России было всего около 135 мечетей. Особо хочется отметить, что с получением религиозной свободы мы смогли создать при каждой мечети курсы по изучению ислама, открыть воскресные школы, то есть начать просвещение нашего мусульманского населения, особенно детей и молодежи. Сегодня мы видим, что в мечетях преобладает молодежь, она очень активна... Издаются религиозная литература, выпускаются газеты, создаются радио- и телевизионные программы о жизни и деятельности мусульманских организаций и в целом о жизни мусульман страны».

При этом муфтий признал, что в финансовом отношении существует «неравное отношение» мусульманской и православной конфессий перед законом, перед государством*. «Если мы хотим, чтобы в России... не возникали радикальные настроения... государство должно заботиться о том, чтобы таких настроений среди мусульман не было. Не должно быть поводов для выражения мусульманами недовольства, что одной религии оказывается помощь, а исламу нет никакой поддержки, что нет у мусульманских организаций

⁸ Мусульманский курьер (Москва). 1999. № 6. Сентябрь.

* В интервью телеканалу «Аль-Джазира» президент России В.В. Путин в октябре 2003 г. объяснил ситуацию предельно ясно: «У нас ведь господствующая религия – православие...» (Ислам минбаре (Москва). 2003. № 10. Октябрь). Такое отношение гаранта конституции страны к гражданам-мусульманам было еще одним веским основанием для их недовольства.

средств, многие мечети не могут платить за коммунальные услуги и заработную плату тем, кто работает в мечети: имаму, охраннику, уборщице и т.д. Если так будет продолжаться, могут измениться настроения у мусульман...»⁹.

А эти изменения уже давно происходили не только на Северном Кавказе, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что во многих населенных пунктах Урала и Поволжья, сложилась, по словам Р. Галлямова, парадоксальная ситуация, когда, по выражению одного из опрошенных им мулл, храмов «настроили», а верующих «нет, мечети пустуют»¹⁰. Результаты работы мусульманского духовенства, как прямо было сказано на съезде Народно-демократической партии «Ватан» («Родина»), проходившем в Москве в феврале 1992 г., оставляют желать лучшего. Мечети охватывают лишь малый процент мусульман, в основном преклонного возраста¹¹.

Что же было более важным для других социальных групп мусульманского населения? «...До сих пор, — с возмущением писал в 1999 г., к примеру, один уфимский татарин, — нет по России татарского радио и телевидения, татарской газеты, практически нет национальных татарских школ и культурных заведений»¹². В той же Москве действует три мечети, отмечалось в 1997 г. в московской татарской газете, но при этом в столице «нет ни одной татарской школы, нет татарского издательства, нет татарского радио и телевидения, татарского театра. Если взять Казань, то аналогичные организации для русских существуют и развиваются»¹³. Проведенный весной 2001 г. в Москве опрос общественного мнения однозначно показывал, что многочисленное татарское население требует открыть детские сады и школы с татарским этнокультурным компонентом воспитания и обучения, которые располагались бы достаточно близко от места проживания¹⁴. Отсутствие таких дошкольных и школьных образовательных заведений является одной из острых проблем духовной жизни мусульман не только в крупных городах России. Именно проблемы образования, в особенности школьного, и культуры были главными для современных российских мусульман.

Выход из кризиса – культурно-национальная автономия?

Неудовлетворенность решением духовных и культурно-религиозных проблем жизни российских мусульман привела к возрождению идеи культурно-

⁹ Татарские новости (Москва). 2002. № 3.

¹⁰ Галлямов Р. Указ. соч. С. 97.

¹¹ Идель-Урал (Уфа). 1992. № 7. Октябрь.

¹² Идель-Урал (Уфа). 1999. № 3. Октябрь.

¹³ Татарские новости (Москва). 1997. № 7-8. В Москве, по одним данным, имелось тогда 800 тыс. татар, т.е. больше, чем в Казани, где татар тогда насчитывалось 600 тыс. (Татарские новости (Москва). 2003. № 12).

¹⁴ Меджлис (Москва). 2001. № 12 сентябрь.

национальной автономии, которая вновь встала в качестве одной из значимых в духовной жизни для значительной части мусульман России, живущих вне Дагестана, Башкортостана, Северного Кавказа и Татарстана.

Закон «О национально-культурной автономии» (НКА), чрезвычайно важный для проживающих на территории Российской Федерации народов, был принят в 1996 г. и стал стержнем, вокруг которого сосредоточилась общественная жизнь представителей разных национальностей. Этот закон создал возможность реализации национально-культурных потребностей в отсутствие национально-территориальных образований. За эти годы по стране была создана структура национально-культурных автономий из местных, региональных и федеральных. После принятия этого закона, определившего НКА как форму общественного самоуправления и как структуру взаимодействия этносов с государством, российские татары практически первыми в стране приступили к формированию своей НКА. В 1997 г., к ее 80-летию в московской газете были опубликованы «Основы национально-культурной автономии», принятые в августе 1917 г. в Казани. При этом отмечалось, что «вот пришло новое время для реализации его в новых условиях России»¹⁵.

Первая конференция Федеральной национально-культурной автономии татар (ФНКАТ) была проведена в мае 1998 г. по инициативе четырех региональных НКА и ис-полкома Всемирного конгресса татар. На ней был принят устав, сформирован Совет, председателем которого был избран И.Р. Тагиров, который возглавлял его в течение четырех первых лет становления федеральной автономии. К 2003 г. в РФ действовало более 200 местных, 17 региональных татарских НКА, объединенных в ФНКАТ, Совет которой располагается в Казани. К 2007 г. региональные НКА татар были созданы в 25 регионах компактного проживания татар, за исключением Астраханской и Челябинской областей¹⁶. Региональная татарская национально-культурная автономия (РТНКА), существующая, в частности, в Москве с 1998 г., была возглавлена тогдашним руководителем Центра военно-патриотического и гражданского воспитания Департамента образования правительства Москвы генерал-полковником в отставке Р.С. Акчуриным, бывшим командующим зенитными и ракетными войсками СССР. Эта РТНКА постепенно объединила существующие в административных округах Москвы 10 местных НКА, зарегистрированных в каждом административном округе столицы и в Зеленограде¹⁷.

Отвечая на вопрос журналиста о том, как работает в Москве закон о НКА, Акчурин заявил достаточно откровенно: «Скользкий этот закон.

¹⁵ Татарские новости (Москва). 1997. № 7-8.

¹⁶ Татарские новости (Москва). 2007. № 5-6.

¹⁷ Татарские новости (Москва). 2003. № 12.

Взять финансовое обеспечение – самое болезненное место. Там сказано, что автономия должна существовать за счет спонсоров. И тут же, как бы между прочим, и за счет государства. Но государство взяло на себя только проведение сабантуя. Ну, еще аренду залов финансирует. А вот найти деньги на текущую работу — огромная проблема».

Журналист: Не кажется ли вам, что в результате вся работа татарских автономий сводится только к культурным мероприятиям?

Акчурин: Наверное, это естественно. Мы любыми средствами должны поддержать в людях хотя бы это, чтобы сохранить язык, любовь к литературе, искусству... Настолько сложно работать! ...Практически все делается на голом энтузиазме. У меня нет ничего, кроме огромного груза обязанностей. И у автономии — тоже. Я никогда не просил руководителей Татарстана о помощи, разве что когда проводили сабантуй. Все остальное решалось и решается в своем кругу. Как это ни трудно, стараюсь спустить пар. Ведь порой из-за чепухи начинаются возмущения, ссоры.

Понимаете, национально-культурные автономии должны работать для того, чтобы не было вспышек типа чеченской...¹⁸, признался генерал в конце концов.

С такой оценкой был согласен и В. Чурбанов, который философски заметил: «Когда не существовало НКА, было хуже — теперь стало лучше. Конечно, сотни и сотни людей во всех концах России заслужили восхищения и низкого поклона бескорыстной хлопотливой деятельностью по сохранению и развитию национальных культур. Однако если всерьез сопоставить цели и результаты, то обнаруживается, что существующие НКА — это, в сущности, суррогаты...

Власть тоже делает вид, будто не знает, что автономиям плохо...

Однако в том-то и дело, что принятый в 1996 году федеральный закон о национально-культурных автономиях умышленно, а вовсе не по неведению только для того и принят, чтобы выпустить пар, создать видимость, имитировать правовое обеспечение решения проблем культурной деятельности российских граждан, разрозненно проживающих в разных городах и всяких в инонациональной среде и растворяющихся в ней...

Власть восприняла опасения — и отложила необходимые и возможные выгоды. Так НКА стали паллиативом. А если уж, пренебрегая политесом, называть вещи своими именами, то обманом. Результат подобен эффекту курка: слабое усилие — громадной силы результат: посеяны разочарование и довольство «малыми делами».

Довольно было бы сказать: досадно, если бы такое настоящее не грозило ужасающим будущим — не больше, но и не меньше, чем культурным вымиранием народов»¹⁹.

¹⁸ Восточный экспресс (Москва). 2001. № 23. 15-21 июня.

¹⁹ Татарский мир (Москва). 2002. № 6. Ноябрь.

С момента принятия закона по мере построения национально-культурных автономий обнажилось немало проблем, многое реализовать оказалось невозможным. Специалисты по национальной тематике и, конечно, те, кто вплотную занимался созданием, конкретными вопросами по работе национально-культурных автономий, не раз говорили о том, что закон уже при принятии был устаревшим. Несовершенство этого закона состояло в том, что самые важные статьи носили половинчатый характер: национально-культурная автономия не считалась органом самоуправления, не предусмотрено обязательное финансирование. Значит, местные автономии не могли успешно претворять в жизнь свои программы. Принятие закона не изменило ситуацию, поскольку истолкование закона узурпируется бюрократией, которая в российских условиях является не столько проводником официальной политики, как в советское время, сколько самостоятельным субъектом выстраивания своего правового пространства. Одной рукой она имитирует работу, а другой противодействует ей.

В ноябре 2003 г. вступил в силу федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О национально-культурной автономии»», призванный исправить ситуацию. Согласно ему, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления оказывают национально-культурным автономиям финансовую поддержку, при условии, что эти финансовые средства имеют целевой характер и могут использоваться только для проведения конкретных мероприятий. Причем выбор целевых программ национально-культурного развития народов, нуждающихся в сохранении самобытности, развитии языка, образования и национальной культуры, для государственной финансовой поддержки поручен был федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов РФ с учетом мнения представителей НКА. Об этой новости радостно сообщалось в татарской прессе²⁰. Что же изменилось после принятия этих поправок?

К 2007 г., согласно отчету ФНКАТ, увеличилось общее количество местных НКА, действующих в 36 регионах страны. Основная доля деятельности НКА приходится на Приволжский федеральный округ, где проживают около 4 миллионов татар, а всего в Поволжско-Уральском регионе живут 80 % татар России. Более 200 местных НКА заняты развитием культуры, образования, пропагандой национальных традиций та-тарского народа в городах, микрорайонах, муниципальных образованиях. Наиболее успешно и сплоченно, как отмечалось в отчете, работают РНКАТ Ульяновской, Ивановской, Омской, Тюменской, Московской областей и города Москвы, Удмуртской Республики

²⁰ Татарские новости (Москва). 2003. № 12.

и Башкортостана. При содействии органов власти Татарстана и российских регионов, взаимодействуя с высшими учебными заведениями Татарстана НКА принимают меры по открытию татарских классов и школ, привлечению представителей татарской молодежи к обучению в вузах Татарстана. Из его бюджета были выделены значительные суммы денег на создание радио и телевидения, которые вещают на весь мир о жизни татар, которых, по данным ООН, насчитывается 11 млн., в том числе более 5 миллионов живут в России и 2 млн. — в Татарстане²¹. Подобные официальные отчеты и заявления высокопоставленных чиновников приукрашивали ситуацию по решению проблем духовной и культурной жизни российских мусульман. Достаточно сказать, что в Москве, где проживает почти миллион татар, имеется одна единственная небольшая школа, где преподается татарский язык. Причем она находится далеко от центра города и возникла еще во время «перестройки» усилиями группы энтузиастов, без помощи московской НКА. Для сравнения укажем, что в 1930-х годах в Москве было несколько татарских школ, причем они размещались вблизи центра города, что делало доступным их для многих его жителей-татар. Деятельность руководства московской татарской НКА была сведена лишь к организации культурных мероприятий в связи с теми или иными праздниками, юбилеями и т.п.

Признания прав мусульманских народов на культурно-национальную автономию со стороны власти и практическое воплощение в жизнь национально-культурной автономии оказалось не совсем таким, как надеялись мусульмане, многие проблемы, особенно в сфере образования, средств массовой информации, культуры, фактически не решались. Ситуация еще более ухудшилась после 11 сентября 2001 г.

Др. Салават Исхаков – историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. Область его научных интересов охватывает историю Российской империи начала XX века, в частности, период Октябрьской революции, а также историю мусульманского меньшинства в России.

²¹ Татарские новости (Москва). 2007. № 5-6.

Z życia postsowieckich muzułmanów w Rosji (z materiałów prasy) Cz. 2

Saławat Ischakow

W drugiej części artykułu poświęconego współczesnemu obrazowi życia muzułmanów w Rosji, autor zwraca szczególną uwagę na zmiany, które miały miejsce wśród muzułmańskiej populacji Moskwy. Stolica jest miejscem gdzie żyją przedstawiciele praktycznie wszystkich muzułmańskich etnosów zamieszkujących Federację Rosyjską i WNP, jak również przedstawiciele dużych i mniejszych narodów z poza obszaru byłego Związku Radzieckiego. W sposób widoczny zasadniczo zmianie uległa nie tylko liczebność, skład demograficzny ale też poziom świadomości religijnej moskiewskich muzułmanów.

Niezadowolenie ze sposobu rozwiązywania licznych duchowych i kulturalno-religijnych problemów w życiu rosyjskich muzułmanów doprowadziła do odradzania się ich narodowo-kulturalnej autonomii, która stała się jednym z najistotniejszych elementów życia duchowego znaczącej większości muzułmanów Rosji, żyjących poza Dagestanem, Baszkortostanem, Tatarstanem oraz poza terytorium Północnego Kaukazu.

The life of Muslims in post-Soviet Russia (based on press materials) Part II

Saławat Ischakow

In the second part of the article dedicated to depicting the contemporary life of Muslims in Russia, the author focuses in detail on the changes that have taken place within the Muslim population in Moscow. The Russian capital is a place where representatives of nearly every Muslim ethnic group residing in the Russian Federation and CIS live. Not only have clearly visible changes in the number and demographic composition of Muslims taken place, but also the level of religious consciousness amongst Moscow's Muslims has altered.

Dissatisfaction with the means by which the multitude of spiritual and cultural-religious issues in the lives of Russian Muslims have been dealt with has led to a rebirth of feelings of national-cultural autonomy. This autonomy has become one of the most essential elements in the spiritual life of a significant majority of Russia's Muslims living outside of Dagestan, Bashkortostan, Tatarstan and the Northern Caucasus region. The author presents the causes of these changes, as well as their course and

Autor przedstawia przyczyny tych zmian, ich przebieg oraz znaczenie dla przyszłości, zarówno społeczności muzułmańskich, jak i Rosji.

delves into what it may mean for the future of both Muslim and Russian society.

